

А. А. Мельникова¹ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПАРТНЕРСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКА

Возрастающее количество межкультурных контактов делает актуальной проблему адекватности построения стратегии общения при диалоге. Один из способов понимания глубинных оснований социальных действий партнеров — представителей другой культуры — обращение к анализу их языка как носителя базовых ментальных смыслов. В качестве примера обратимся к анализу русского и английского языков. Цель — выделить сущностные основания, которые являются ключом к пониманию особенностей и социальной иерархии представителей русской и англоязычной культур.

Для анализа особенностей статусной позиции в русской культуре обратимся к социологическим теоретическим разработкам составляющих социального статуса. Теоретики функциональной школы (Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис) при анализе социальной структуры разводят понятия «престиж» и «уважение». Престиж соотносится с формальной характеристикой занимаемого положения (это «одобрение, которое связано только с занимаемым положением»), а уважение — с тем, как человек «относится к правильному выполнению обязанностей положения»² (то есть с сущностным наполнением социальной роли).

Основываясь на анализе, можно предположить, что второе (уважение) гораздо значимее для российской культуры, нежели первое (престиж). Действительно, собственного концепта, закрепляющего входящие в понятие «престиж» смыслы, в русском языке нет. Заимствованное из французского слово низкочастотное в языке, причем используется оно в основном как прилагательное (престижная должность). В то время как «уважение» не только высокочастотно (вплоть до анекдотического «Ты меня уважаешь?»), но и имеет разработанное семантическое поле (существительное «уважение», глаголы «уважать» и «уважить», прилагательные «уважаемый» и «уважительный» с краткой формой «уважителен», обращение «Уважаемый!»). Такое распределение значимости между «престижем» и «уважением» в русском языке свидетельствует о том, что наша культура при оценке социального статуса важным считает не саму должностную позицию, а общественно значимое (правильное) поведение индивида.

Данные утверждения подтверждает и сравнительный анализ лексического материала. Сравним данные русского и английского языков (у второго жесткий порядок расположения членов предложения и аналитический характер слово- и формообразования) и рассмотрим, какие смыслы входят в понятие «уважение». Существительное «уважение» в русском языке имеет только одно значение — «почтительное отношение, основанное на признании чьих-либо достоинств»³. В английском у существительного *respect* значений гораздо больше: согласно словарю⁴ 1. Отношение (*in every respect* — во всех отношениях). 2. Уважение, почтение. 3. Привет, поклон (*he sends you his respects* — он передает вам привет (поклон)). То есть в русском языке смысл четко определен, и он единственный; в английском — смыслов несколько, и они располагаются в разных семантических областях.

Подобная ситуация наблюдается и в отношении слов других частей речи, производных от существительного

«уважение». В русском языке значения слов этих частей речи напрямую связаны с однозначно трактуемым существительным, и если различаются, то весьма незначительно (например, один из смыслов глагола «уважать» — считаться, принимать во внимание чьи-то интересы — уважать окружающих). Английские слова, производные от *respect*, других частей речи транслируют гораздо больше различных смыслов, чем существительное: оберегать, относиться заботливо; соблюдать, не нарушать, признавать; касаться, иметь отношение. Последнее значение наиболее далеко отстоит от русского смысла (*He Could not Agree With Him Respecting the Price*. — Он не мог согласиться с ним *относительно* цены).

Высокая частотность и семантическая разработанность концепта «уважение» в сочетании с однозначно определяемым смыслом указывают на его повышенную значимость в русской культуре при определении иерархического статуса почтительного отношения, основанного на признании чьих-либо достоинств (акцент на внутреннем), а не формальной должностной позиции, занимаемой индивидом (акцент на внешнем).

Обратимся к анализу содержания существительного «авторитет». Именно это существительное обозначает социальный вес, который приобретает индивид в общественной жизни. Проведем исследование наполнения данного термина в русском и английском языках (последнему присущ аналитический способ слово- и формообразования). Согласно словарю⁵ английское *authority* включает четыре варианта употребления: 1) оно маркирует определенное качество, связанное с влиятельностью, властью. В словаре⁶ конкретизируется этот пункт: это слово с исконным значением «право требовать подчинения» (*to exercise authority* — осуществлять правление; *These employees are under my authority*. — Эти сотрудники находятся у меня в подчинении); 2) относится к сфере официальной власти и обозначает полномочия (*He was given authority to sign the agreement*. — Ему были даны *полномочия* подписать соглашение); 3) обозначает городские власти — управление, отдел (*The Port of London Authority*. — Управление Лондонского порта); 4) об источнике — надежный, общепризнанный (*He is an authority in this field*. — Он авторитет в этой области). Таким образом, в английском понятие *authority* («ядром» являются влиятельность и власть, в значительной степени связанные с официальным статусом индивида, его должностным положением, наделяющим его властью).

Трактовка существительного «авторитет» в русском языке⁷: 1. Общепризнанное значение, влияние, общее уважение. 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием. Русский вариант существенно отличается от английского: во-первых, здесь имеется концентрация смысла — словарь отмечает лишь два значения, которые не различаются сущностно, как в английском варианте (смысл, стоящий за понятием «авторитет», один, но в первом словоупотреблении это признак, а во втором — лицо, обладающее этим признаком); во-вторых, русский вариант связан не с должностным положением, наделяющим индивида властью, и самой властью, а с уважением и общественным признанием.

Таким образом, лексический анализ показывает: в российской культуре индивид приобретает авторитет (высокий

¹ Доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук.

² Davis K. A Conceptual Analysis of Stratification // *American Sociological Review*. 1942. Vol. 7. № 3. P. 321.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 822.

⁴ The Modern Russian Dictionary for English Speakers. M., 1982. P. 513.

⁵ The Modern Russian Dictionary... С. 49.

⁶ Lingvo : словарь. Англо-русская версия ABBYY Software House. 2002.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 17.

социальный статус, связанный с уважением и общественным влиянием) не вследствие того, что он занимает определенную должность (что является внешней, формальной характеристикой), а когда реализует значимые для русского менталитета ценности (ориентируется на внутренние мотиваторы). То есть представлена взаимосвязь «воплощение ценностей» — «уважение» — «авторитет», где каждый последующий элемент детерминирован предыдущим. Для менталитета носителей английского языка отправной точкой социального статуса является должностная позиция, наделяющая индивида соответствующими властными полномочиями, то есть характерна взаимосвязь «формальное положение в социальной иерархии (должность, звание)» — «власть» — «авторитет/престиж».

Выводы, сделанные на основании лексического анализа, подтверждают и расширяют психологические исследования, уточняя, какие именно ценности должны быть у носителя русского менталитета, чтобы он имел максимально высокий статус, то есть пользовался наибольшим уважением. Психологическое тестирование показывает, что это в первую очередь «умение отказываться от себя в пользу чего-то, гораздо более высокого, чем “я”, то есть... полная *бескорыстность* и строгое (иногда даже педантичное) *соблюдение моральных правил*»¹. Именно человек, ставящий на первое место не свое, личное дело, а общее, проявляющий бескорыстие и даже жертвенность, отзывчивый и склонный действовать для достижения различных целей социально одобряемыми средствами имеет в нашей культуре максимально высокий личностный статус, наибольшее уважение.

Исследования характерных для нашего менталитета представлений в этой сфере дополняются тестовыми материалами, направленными на изучение поведенческих

установок людей, обладающих высоким статусом. У них диагностируются высокие показатели действий на основании долга, моральных образцов, образующих «эго-сверхконтроль», а также по шкале альтруизма².

Для более глубокого понимания оснований такого положения вещей обратимся к концепции социального действия М. Вебера. «Социальное действие, как и любое действие, детерминировано, а именно: 1) целерационально, когда существуют определенные ожидания относительно поведения объектов внешней среды, а также других лиц, и с помощью этих ожиданий осознанно оцениваются и рассчитываются “условия” и “средства”, с точки зрения рационально поставленных целей; 2) ценностно-рационально, когда имеется в наличии сознательное убеждение в том, что определенная линия поведения абсолютно ценна сама по себе с точки зрения этической, эстетической, религиозной или какой-либо другой совершенно независимо от ее результатов; 3) аффективно, то есть сильно эмоционально, окрашено аффектами или чувствами; 4) традиционно, когда оно основано на установившейся практике»³.

Анализ тестовых материалов позволяет сделать вывод, что в российской культуре существуют иные архетипы целеполагания и целедостижения, непохожие на западноевропейские, а именно: «наш соотечественник в среднем, оказавшись в ситуации действия, отдает *предпочтение действиям ценностно-рационального типа* перед целерациональными»⁴. Таким образом, в русской культуре важна деятельность не сама по себе, а соответствующая определенным, культурно значимым целям-ценностям. Проанализированный материал подтвердил: обращение к языку помогает конкретизировать национальные представления, что способствует облегчению межкультурного диалога.

¹ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 281.

² Там же. С. 331.

³ Parsons T. The Structure of Social Action. N. Y., 1938. P. 642.

⁴ Ibid. P. 164.